

Вопросы почемучек

Крым и Украина на несколько недель отодвинули фокус внимания от внутренней экономической ситуации и ее перспектив.

Но введенные и ожидаемые санкции форсировали озабоченность правительства, бизнеса и общественности ценами на нефть, курсом рубля, наполнением бюджета, налогами, инвестициями, темпами роста, коррупцией и т.п. Попутно и по-иному, чем совсем недавно, зазвучали вопросы «кто мы», «куда идем», и возник новый культ — «вежливости». Словом, и много нового, и много забытого, но главное — проявилось что-то очень существенное, фундаментальное, из ментальных глубин.

Однако стратегический выбор, который России предстоит сделать, не столько между векторами вовне или внутрь. Развилки на самом деле гораздо больше.

Во-первых, в самом деле — кто такие «мы»? Выбор всегда делается субъектом, осознавшим свои не столько даже цели и тем более интересы, сколько идеалы, ценности, мечты, права и обязанности. Во многих активных группах свой интерес стал приниматься за идеал, а если последнее вообще не выговаривается, то свое выдается за общий интерес. Выбор за объект делают другие. Вот почему — кто мы? — это первый вопрос. Давно невиданное единение официальных властей, общества и народа в крымском вопросе сродни консолидации в честь и в память о Победе. Но как этому единению проявиться далее? Когда вскроется дифференциация и эмоций, и интересов, и более операционных ценностей?

Во-вторых, «внутреннее» и «внешнее» — давно труднорасчленимые понятия. Даже «железный занавес» не мог остановить проникновение внешнего внутрь «страны-крепости». И что такое граница — сегодня отнюдь не банальный вопрос. Даже в военной области.

Часть под открытостью имеют в виду степень зависимости российской экономики от экспорта и импорта. По отдельным товарным позициям, очевидно, избыточную зависимость от внешних поставок нужно резко сократить, особенно в продовольственном комплексе и тем более в оборонном. Импортозамещение — известный способ подстегивания развития. По салдо прямых инвестиций нам, очевидно, нужно увеличить приток внешних инвестиций, внутри которых окажется много капитала российского по изначальному происхождению. Нужно увеличить и долю внутреннего накопления.

Но все эти примеры лишь показывают, что нет такой темы, как «выбор между внутрь и вовне». В общем плане ответ на этот вопрос бесполезен. В контексте же идущих сейчас дискуссий этот вопрос напрямую касается предпочтений в довольно конкретных сюжетах: интеграция на евразийском пространстве, отношения с Украиной, вектор строительства институтов, оборонная доктрина, внешняя политика, позиция в ВТО и других международных соглашениях, присоединение к ОЭСР, идентичность, суверенитет и многое другое.

Определившись с конкретикой «внешнего» и «внутреннего», можно задаться и вопросом: есть ли все-таки у нас реальный

потенциал для инновационного развития, диверсификации экономики?

Ответ однозначен — он повсюду. Общая неустроенность нашего быта, сильное обветшание всей коммунальной инфраструктуры, состояние здравоохранения, образования, транспортных коммуникаций... Этого мало? Очень неопределенная конъюнктура на мировых рынках энергоносителей, бьющая по госбюджету и социальной политике. Монопольные цены на внутренних рынках «естественных монополий», бьющие по карману населения... Этого мало? Обостряющийся риск «молниеносного удара», киберагрессий, техногенных, природных и антропогенных катастроф... И этого разве мало?

А ведь это далеко не полный перечень стимулов к переменам, которые не осуществить без творческого усилия.

Потенциал для инновационного развития России накапливался столетиями. Он воплощался в образованности, производственном капитале и культуре — инженерной, конструкторской, деловой, аграрной, транспортной, бытовой, военной, политической. В XX веке страна проявляла примеры, периоды и эпизоды как рачительного отношения к этому потенциалу, так и невероятно беспечного и преступного распоряжения этим национальным богатством.

Из недавней истории можно напомнить лишь один факт: с начала 1990-х мы утратили более 40 процентов имевшегося на тот момент запаса технологий, половину рабочих промышленности, более половины ученых и до 90 процентов проектно-конструкторских организаций.

Соответственно, то, что осталось, и есть основа нашего потенциала инновационного развития. Он несколько выше, чем этот остаток: кое-что возникло и новое.

Нынешнее отношение к имеющемуся инновационному потенциалу можно назвать декларативно — позитивным. Однако нет не только достаточных, но и необходимых условий его полноценной реализации. А главное, что между мотивациями основных фигурантов экономической динамики РФ (предприятий и регуляторов) и потребностями в инновациях — пропасть. Прибыльность, устойчивость и конкурентные преимущества ключевыми хозяйственными агентами и заинтересованными сторонами достигаются пока без всяких инноваций.

Как этот потенциал раскрыть? И тем более повысить?

Вопрос о «как» вторичен по сравнению с вопросами «ради чего» и «ради кого». Еще более важен другой и весьма многослойный вопрос — «почему». Почему нам необходимо инновационное развитие? Почему мы все-таки совершим переход на инновационную модель? Почему мы неизбежно вспомним свой отечественный опыт инновационных прорывов, и успешный, и провальный? Почему мы довольно быстро освоим лучшие мировые практики инновационного развития?

Возможно, самое главное сегодня «почему»: почему мы раскроем свой потенциал, как имеющийся, так и тот, который еще накопится и будет создан новыми почемучками? А еще важнее — почему мы все это сделаем гораздо быстрее, чем сейчас думаем?

 А. Агеев

Авторский блог:
<http://www.ageev.net>